

ДЕТСКИЕ ОБРАЗЫ РОМАНА Ч. ДИККЕНСА «ЛАВКА ДРЕВНОСТЕЙ»

Мария Юрьевна Фирстова

к. филол. н., доцент кафедры английского языка

и межкультурной коммуникации,

доцент кафедры мировой литературы и культуры

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614068, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15

legkikh76@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0987-7816>

Елизавета Евгеньевна Ярцева

студентка факультета современных иностранных языков и литературы,

«Педагогическое образование»

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614068, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15

garouliza@gmail.com

Статья поступила в редакцию: 29.11.2025

В статье рассматривается третий роман Ч. Диккенса «Лавка древностей» (1840–1841). Исследуются детские образы произведения и их функции в художественном анализе современной автору социальной действительности. Выявляется своеобразие смешения приемов реалистического и романтического художественного методов при создании образов детей. Отмечается важность темы детства в творчестве Диккенса в контексте осмысления писателем путей преобразования социума и в связи с этим подчеркивается внимание писателя к теме семьи и воспитания. В работе также выявлены мотивы тайны рождения ребенка и незаконнорожденности ребенка, характерные для раннего творчества автора.

Ключевые слова: детские образы, детство, мотив тайны рождения, мотив незаконнорожденности, тема воспитания, тема семьи, критический реализм.

Роман Чарльза Диккенса «Лавка древностей» (*The Old Curiosity Shop*, 1840–1841) первоначально печатался отдельными частями в издаваемом писателем еженедельнике «Часы мистера Хамфри» (*Master Humphrey's Clock*), но стал в итоге самостоятельным, выдающимся произведением в силу, с одной стороны, актуальности затрагиваемых авто-

ром социальных проблем, а с другой, вневременной важности осмысляемых в нем морально-нравственных вопросов, а также благодаря цельным и неподражаемым в своей искренности и правдивости детским образам, вошедшим в сокровищницу мировой литературы: Нелли Трент, Кит Набблс, безымянная «маркиза», Том Скотт (слуга злодея Квилпа), безымянный ученик, свидетелем смерти которого становится его учитель и другие.

Общеизвестно, что тема детства – одна из главных в творчестве Ч. Диккенса. Это отмечают как зарубежные (J. Bowen, A.R. Federico, B. T. Gates, M. Gubar и другие), так и отечественные исследователи его творчества (Т. И. Сильман, М. П. Тугушева, М. Урнов, Н. П. Михальская, А. А. Аникин, А. В. Бабуков, В.А. Бячкова), по-разному расставляя акценты при анализе созданных писателем детских образов и их функций в реализации идеи того или иного произведения. Здесь хотелось бы привести высказывание известного немецкого писателя XX в. Арнольда Цвейга, которое во многом совпадает с нашей оценкой созданных Ч. Диккенсом в романе «Лавка древностей» детских образов: «Годы детства в его романах неподражаемо прекрасны; я думаю, что в мировой литературе никогда не затеряются эти детские образы, эти веселые и серьезные эпизоды, что случаются на заре жизни. Кто сможет забыть одиссею маленькой Нелли, забыть, как она, простая и нежная, уходит со своим старым дедушкой из дыма и мрака больших городов в пробуждающую зелень полей, среди всех тревог и опасностей невозмутимо, до самой смерти сохраняя свою ангельскую улыбку? Это по-настоящему трогательно, без тени сентиментальности, и затрагивает самые подлинные, самые живые человеческие чувства» [Цвейг 1990: 260].

Главная героиня романа Нелли Трент воплощает в себе лучшие человеческие качества: доброту, сострадание, самоотверженность, прощение. По мнению М.П. Тугушевой, Нелли – это девочка-фея или сказочная принцесса [Тугушева: URL]. Сходной характеристики придерживается и Т. И. Сильман, пытаясь отыскать литературные корни этого персонажа. Сопоставляя образы Миньоны из романа Гете «Вильгельм Мейстер» и Нелли, она называет главную героиню романа Диккенса «ангельским существом», «девочкой из сказки», «сказочной феей», отмечая, однако, при этом реалистический принцип создания этого образа: в отличие от романтической Миньоны английская героиня умирает от перенесенных физических и моральных страданий, а не в результате невозможности преодоления внутреннего конфликта. Т. И. Сильман также справедливо подчеркивает, что в смерти Нелли Трент заложены элементы социальной критики, которые отсутствуют в образе, созданном Гете [Сильман: URL].

Соглашаясь с этим утверждением Т. И. Сильман, считаем необходимым добавить, что роман Диккенса иллюстрирует социальную несправедливость современной ему Британии не только через изображение смерти главной героини, но и при помощи жестко правдивого, объективного раскрытия сущности внутрисемейных отношений Трентов. Желание старшего брата Нелли Фредерика пожить за счет сестры художественно воплощает утверждение К. Маркса и Ф. Энгельса, изложенное в «Манифесте коммунистической партии» 1848 г.: «Буржуазия сорвала с семейных отношений их трогательно-сентиментальный покров и свела их к чисто денежным отношениям» [Маркс, Энгельс 1984: 18]. То, что обнаруживает сюжет художественного произведения, подтверждает теоретические выводы этих социальных философов о состоянии института семьи в буржуазном мире. Верность социально-аналитических выводов писателя-реалиста не вызывает сомнений.

Полагая, что дед планирует оставить по завещанию все имущество не ему, а Нелл, Фредерик Трент придумывает изощренный план обогащения: организовать в ближайшем будущем брак находящегося под его полным влиянием доброго, но непутевого друга Дика Свивеллера и собственной сестры, который откроет ему доступ к семейному капиталу. Свой замысел Фредерик цинично раскрывает в главе VII романа. Отметим, что Диккенс ранее уже использовал подобный сюжетный ход в предыдущем романе «Приключения Оливера Твиста» (*Oliver Twist; or, The Parish Boy's Progress*, 1838). Речь идет о желании Эдуарда Лифорда (Монкса) превратить своего единокровного брата Оливера в преступника с целью посмеяться над последней волей их отца. Согласно завещанию последнего, уничтоженному матерью Эдуарда, Оливер мог получить наследство при одном условии: если окажется добропорядочным молодым человеком и не будет замешан ни в каких преступлениях на момент совершеннолетия. Именно поэтому Лифорд настолько одержим идеей превратить Оливера в преступника, что готов уплатить главарю преступной шайки Фейджину солидный гонорар за вовлечение сводного брата в криминальную деятельность. Так писатель показывает, что в современной ему действительности стремление к обогащению, подпитываемое гордыней и тщеславием, вытесняет из сознания людей не только моральные принципы, но и родственные чувства, и тем самым обнажает антигуманную основу существующего социального строя.

Социальную критику в романе продолжает и образ маленькой безымянной служанки в конторе Самсона и Салли Брасс. Девочку случайно обнаруживает очередной «чужак» писателя Дик Свивеллер, когда работает в этой «юридической фирме». Происхождение служанки, равно как

и Оливера Твиста в одноименном романе, остается неизвестным читателю вплоть до конца произведения. В «Последней главе» романа «Лавка древностей» мы читаем о том, что, как выяснил Свивеллер, о тайне рождения его жены Софронии Сфинкс (под этим вымышленным именем добродушный молодой человек отправил девочку обучаться в пансион после получения им наследства, а спустя время женился на ней) могли знать мисс Брасс и карлик Квилп. Несомненно, что таким образом Диккенс намекает на незаконнорожденность героини. Тайна рождения ребенка, как и его незаконнорожденность (Оливер Твист также является незаконнорожденным ребенком) активно используется Диккенсом в начале его литературного творчества как сюжетный мотив.

Лишенная родительского и просто человеческого тепла девочка откликается на доброту Дика, благодаря которому она впервые в жизни досыта поела и хорошо провела время, играя в криббедж. Диккенс верит в неспорченность детской души, в ее способность сохранять добрые чувства, несмотря на тяжелые жизненные обстоятельства. Именно поэтому «маркиза» заботится о Свивеллере, когда он заболевает и буквально спасает его от смерти. Именно поэтому Диккенс дает шанс начать новую жизнь в качестве циркача и Тому Скотту, слуге Квилпа. В начале романа Том готов по приказу хозяина без всяких сантиментов свернуть шею канарейке. В конце произведения, лишившись своего злобного хозяина (Квилп утонул в реке, спасаясь от преследования за свои злодеяния), подросток меняется в лучшую сторону.

Вернемся к образу «маркизы». В романе у него есть еще одна функция помимо демонстрации убежденности автора в изначальной чистоте души ребенка, ее способности сохранять добрые чувства и проявлять их в случае хорошего обращения (здесь Диккенс совпадает с романтиками, придерживаясь руссоистского представления об естественной доброте человека). Эта функция детского образа заключается в этической оценке взрослого персонажа на основе его отношения к маленькому человеку, находящемуся от него в биологической, физической и психологической зависимости. Жестокое обращение Салли с собственной дочерью (девочка живет впроголодь; собственная мать, скрывающая этот факт от нее, постоянно избивает ребенка; ей запрещено покидать пределы темной кухни; она не получает образования) завершает отрицательную характеристику образа мисс Брасс. Именно она является в романе настоящей преступницей, как и ее брат Самсон, хотя в обществе они занимают положение слугителей закона. Здесь острое сатиры писателя вновь, как и в «Посмертных записках Пиквикского клуба» (*The Posthumous Papers of the Pickwick Club*, 1836–1837), направлено против

лживых юристов, обращающих знание законов в возможность безнаказанного совершения преступлений с целью личного обогащения и удовлетворения собственных порочных наклонностей. Если посмотреть шире, то в этом произведении писатель критикует и судебную систему в целом, несовершенство которой позволяет нечистым на руку юристам отправлять в тюрьму невиновных. Речь идет о влюбленном в Нелл подростке Ките Набблсе.

Преданность Кита Нелл и ее доброе отношение к нему (девочка учит его читать) вызывает ненависть в главном злодее этого романа карлике Квилпе, имевшем на нее определенные виды в случае безвременной смерти молодой миссис Квилп. То, что героине удастся ускользнуть из расставленного антагонистом капкана, вызывает в нем злобу, которую он вымещает на Ките, подстрекая попавшего в зависимость от него Брасса к организации ложного обвинения подростка в воровстве. Лишь вмешательство добрых сил в лице хозяев Кита Гарлендов (эта безусловно добрая семейная пара является прообразом четы Боффинов, появляющейся в последнем завершенном романе писателя «Наш общий друг» (*Our Mutual Friend*, 1864–1865)), позволяет ему избежать печальной участи многих честных бедняков, которые, будучи невиновными, отправляются в тюрьму, так как не имеют ни достаточных знаний, ни средств, чтобы отстоять свое честное имя в суде.

Образ Кита в романе воплощает естественные, здоровые и добрые устремления юности. Несмотря на жизнь в нищете, персонаж способен радоваться жизни, любить, готов поделиться последним с теми, кто в этом нуждается (он приглашает жить к себе лишившихся дома Нелл и ее деда), берет на себя ответственность за обеспечение собственной семьи. Вспомним, как он часами безрезультатно бродит по лондонским улицам в поисках заработка, пока не встречает чету Гарлендов, нуждающихся в слуге, который мог бы справиться с их строптивым пони по кличке Вьюнок. Образ жизни этого персонажа типичен для городских детей из бедных семейств викторианской Англии, что подтверждают слова американского профессора М. Губар в ее работе “The Victorian Child c. 1837-1901”: “....while thousands of urban children worked as street hawkers, selling matches or sweeping crossings” [Gubar: URL]. О доброте Кристофера свидетельствует и трогательный эпизод, в котором Диккенс описывает посещение Набблсами цирка и последовавший за этим «пир» с устрицами, когда он получает первое жалование у Гарлендов.

По причинам, которые автор не посчитал необходимым указать в романе, предложение Кита переехать в дом его семьи, состоящей из овдовевшей матери и двух младших братьев, не было принято Нелл, хотя его забота принесла девочке временное облегчение душевных страданий.

Приведем цитату из романа: «Живя среди черствых кредиторов да корыстных сиделок и не встречая никакого сочувствия, никакого участия в себе даже со стороны женщин, которые были теперь в доме, она всем своим нежным детским сердцем откликнулась на призыв доброй и благородной души, обитающей – увы! – в столь неприглядном храме» [Диккенс 1983: 113]. Под неприглядным храмом автор подразумевает «убогие лохмотья», которые был вынужден носить Кит.

То обстоятельство, что Нелл и ее дедушка не смогли поселиться в доме семьи Кита, позволяет автору в полной мере показать страдания людей, оставшихся без крыши над головой, изобразив их скитания по Англии. С того момента, как старик и ребенок (девочке еще нет и четырнадцати лет) покидают свой дом, захваченный кредитором Квилпом, роман «Лавка древностей» превращается в эпос «большой дороги». На своем пути, не имеющем конечной цели, они встречаются разных людей: добрых и бескорыстных, как учитель; порядочных, но помнящих, о своем интересе, как хозяйка кабинета восковых кукол миссис Джарли; актеров, стремящихся помочь путникам, но мечтающих получить за это вознаграждение от родственников Нелл, которые, как они полагают, непременно должны разыскивать ребенка; картежников, вовлекающих в свой преступный замысел страдающего игроманией мистера Трента; лицемерную директрису школы-пансиона, отчитывающую Нелл за то, что вместо «честной» работы на фабрике на благо английской промышленности она водит экскурсии по выставке восковых фигур; обездоленных промышленных рабочих; пьяных лодочников, заставивших Нелл петь всю ночь, стоя под проливным дождем, в качестве платы за проезд на их судне.

Изображая столь различных персонажей, Диккенс создает широкую панораму английского общества, в котором ребенок-сирота из обедневшей семьи или низших классов неизбежно вынужден страдать и преждевременно взрослеть. Так, Нелл приходится взять на себя заботу о дедушке и стать его защитницей: автор показывает, что они меняются социально-психологическими ролями. Именно девочка принимает решение покинуть дом и Лондон в надежде начать новую жизнь, где дедушка не будет исчезать по ночам, оставляя ее в одиночестве из-за пагубного пристрастия к карточной игре и иллюзорной надежды разбогатеть, и где не будет отвратительного злодея Квилпа. В тексте романа читаем: «Старик бросил нерешительный, беспомощный взгляд сначала на нее, потом по сторонам, потом снова на нее и покачал головой. Было ясно, что наступила минута, когда его вожатым и его советчицей должна стать она и, сразу почувствовав это, девочка не испугалась, не усомнилась в

себе, а протянула ему руку и осторожно повела прочь от дома» [Диккенс 1983: 120–121].

Вынужденная смена традиционных возрастных ролей и череда выпавших на ее долю испытаний приводят девочку к нервному и физическому истощению. Однако Диккенс не изображает в натуралистических деталях состояние героини. Наоборот, в конце романа автор лишает образ Нелл всякой телесности. Найдя постоянное пристанище в сторожке при церкви и кладбище, неподалеку от деревни, где живет их благодетель – школьный учитель, девочка вопреки надеждам читателей не восстанавливается, а угасает, постепенно превращаясь в существо из другого мира. Здесь Диккенс уходит от критического реализма, перемещаясь в художественное пространство сказки, столь любимой романтиками. Нелл становится всеобщей любимицей, она водит экскурсии по старинной церкви, которые приносят ей известность далеко за пределами деревни. Но все окружающие героиню (и взрослые, и дети) понимают, что ей недолго осталось пребывать в мире людей, ее предназначение стать ангелом.

Подводя итоги исследованию детских образов в романе «Лавка древностей», отметим, что образ ребенка – это своего рода «лакмусовая бумага», при помощи которой писатель может дать этическую оценку не только отдельным взрослым персонажам, но и всему обществу, а в последствии поднять вопрос о необходимости пересмотра социально-нравственных принципов, лежащих в его основе. В этом романе, как и в большинстве произведений писателя, представлены образы страдающих детей, что становится ядром отрицательной оценки Диккенсом морально-нравственного состояния современного ему общества. Здесь можно согласиться с утверждением В.А. Бячковой, что у Диккенса смерть главного детского персонажа «видится как смерть мученика несправедливого и жестокого мира, поскольку Диккенс, особенно в ранних своих произведениях, образ ребенка ассоциирует с Добром» [Бячкова 2019: 97].

Не менее важная функция детских образов в романе заключается в изображении изначальной чистоты души ребенка, которая откликается на доброту даже при самом незначительном ее проявлении. Развивая эту мысль, можно предположить, что писатель видит возможность сохранения чистой души и в каждом взрослом, но это не совсем так. Как следует из романа, именно в детстве происходит выбор пути (добраго или злого) каждым человеком, во взрослом состоянии изменить свой выбор человеку уже не под силу. Взрослые своей добротой или злобой формируют в детях (будущих взрослых) соответствующие характеры, поэтому так остро стоят в творчестве Диккенса вопросы воспитания.

Посыл писателя заключается в том, что доброта и любовь по отношению к ребенку – это основа построения справедливого и гармоничного общества. Еще одна мысль, высказанная писателем в романе: дети делают взрослых лучше, любовь к детям, забота о них и даже память о них в случае безвременной смерти меняет мир к лучшему. В произведении об этом говорит учитель – носитель авторских идей: «Дети, невинные младенцы, с первым лепетом на устах умирающие в колыбели, будут жить в людских помыслах и благих деяниях, даже если их тела испепелил огонь, поглотила морская пучина. Каждый ангел, умноживший собой небесное воинство, творит добро на земле руками тех, кто любил его при жизни» [Диккенс 1983: 452].

Список литературы

Бячкова В. А. Смерть ребенка как сюжетный ход в викторианском романе // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2019. Т. 11, Вып. 3. С. 96–110.

Диккенс Ч. Лавка древностей: Роман / пер. с англ. Н. Волжиной. М.: Дет.лит., 1983. 624 с.

Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии. М.: Издательство политической литературы, 1984. 63 с.

Сильман Т. И. Диккенс. Очерки творчества. URL: <http://charles-dickens.ru/books/item/f00/s00/z0000000/st027.shtml> (дата обращения: 07.09.2025).

Тугушева М. П. Чарльз Диккенс: Очерк жизни и творчества. URL: <http://charles-dickens.ru/books/item/f00/s00/z0000000/st006.shtml> (дата обращения: 05.09.2025).

Цвейг А. Диккенс / пер. Ф. Зайбеля // Тайна Чарльза Диккенса: [Сборник / Всесоюз. гос. б-ка иностр. лит.; Сост. Е. Ю. Гениева, Б. М. Парчевская]. М.: Кн. палата, 1990. С. 243–262.

Gubar M. The Victorian Child, c. 1837–1901. URL: https://representingchildhood.pitt.edu/pdf/victorian_child.pdf (дата обращения: 12.10.2025).

THE IMAGES OF CHILDREN IN *THE OLD CURIOSITY SHOP* BY CHARLES DICKENS

Maria Yu. Firstova

Candidate of Philology, Associate Professor in the Department of English Language and Intercultural Communication,

Associate Professor in the Department of World Literature and Culture

Perm State University

614068, Russia, Perm, Bukirev str., 15.

legkikh76@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0987-7816>

Elizaveta E. Yartseva

Student of Pedagogical Education, Faculty of Modern Foreign Languages and Literatures,

Perm State University

614068, Russia, Perm, Bukirev str., 15

garouliza@gmail.com

Submitted 29.11.2025

The article examines Charles Dickens' third novel *The Old Curiosity Shop* (1840–1841). The paper deals with the children's images of the literary work and their functions in a critical analysis of the author's contemporary social reality. The research reveals a mixture of realistic and romantic artistic techniques in creating images of children. The importance of the theme of childhood in Dickens' novel is noted in the context of the writer's ideas about the ways of transforming society, and the author's attention to the topic of family and upbringing is emphasized. The paper also shows the motives of the mystery of the birth of a child and the illegitimacy of a child that are used in the the author's early works.

Key words: children's images, childhood, the motive of the mystery of birth, the motive of illegitimacy, the theme of upbringing, the theme of family, critical realism.

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Фирстова М. Ю., Ярцева Е. Е. Детские образы романа Ч. Диккенса «Лавка древностей» // Мировая литература в контексте культуры. 2025. № 21 (27). С. 73–81. doi 10.17072/2304-909X-2025-21-73-81

Please cite this article in English as:

Firstova M. Yu., Yartseva E. E. Detskiye obrazy romana Ch. Dikkensa «Lavka drevnostey» [The Images of Children in *The Old Curiosity Shop* by Charles Dickens]. *Mirovaya literatura v kontekste kul'tury* [World Literature in the Context of Culture]. 2025, issue 21 (27), pp. 73–81. doi 10.17072/2304-909X-2025-21-73-81